

Анатоліі Олохон

I

68,025

ОКРАИНЫ
МИЛОЙ
ОТЧИЗНЫ

G

Анатолий Олехон

**О КРАИНЫ
МИЛОЙ ОТЧИЗНЫ**

Стихотворения

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА • 1950**

**ЗВЕЗДЫ
ПОЛЯРНОГО КРУГА**

*Сколь славен Севера владетель
В тебе, Россия, возрастет...*

М. В. Ломоносов

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

Опустите бинокли!
Там каменный берег,
Там закутанный тучами
Темный, обрывистый мыс;
Там слетаются ветры из всех неоткрытых Америк
И обтаявший лед осыпается вниз.

Ясно вижу сквозь темную дымку столетий:
Над волнами ныряет дерюжный косой парусок;
Сбоку — бьется другой;
Распластался оборванный третий...
Завывает ветрище.
Пурга сыплет белый песок.

Посвинцовело море,
И неба не видно.
Надвигаются плотные, грузные льды.
Погибают суда!
Зимовать не легко и обидно:
Растеряются жизни, и чьи-то исчезнут следы.

Голод станет томить.
Смерть придет — без могилы...
Поглядите! Они всё идут и идут.

Видно, есть на Руси удалецкие силы!
Поговорки о них заклинают беду:

«Удалец — не утонет».
«Удачник — не сгинет»...
Леденеющей бездной,
Последней волной,
Вот на отмели эти суденышки кинет,
И гремучая гибель пройдет стороной.

Раскололись суденышки.
Жалкие кóчи, —
Долотом да топориком сшиты суда,
Но прошли, не робея, сквозь вьюжные ночи,
По студеным морям залетели сюда.

Капитан-командор Витус Беринг возвышен:
Окрещен его именем русский пролив,
А казак-мореход Семка Дежнев не слышен,
Чуть не веком пораньше к Охотску доплыв.

Эй, казак-удалец,
Сын российской землицы!
Эй, Семен свет-Иванович, встань, покажись!
Ишь, какой ты приземистый да круглолицый.
По плечу тебе трудная, бурная жизнь.

Ишь, какой ты!
В кафтане родного суконца,
В доброй шубе медвежьей,
В московских цветных сапогах...
Борода у тебя ярче рыжего солнца.
Взгляд... пронзителен. Речь — скуповата, строга.

У костра ты стоишь, опираясь на саблю.
Рядом дремают товарищи странствий твоих.
Зимовать будет люто.
Ты шепчешь: «Души не ослаблю. . .»
(Так и я говорю себе в час испытаний лихих.)

Не ослабнешь, Семен свет-Иванович!

Слава

Подняла твое имя на веки веков:

Этот глыбистый берег

России держава

Закрепила границею материков.

...Опустите бинокли!

Закройте зрачки фотокамер!

Не глазами, а сердцем глядите в рассвет:

Дежнев мыс над Чукоткой поднялся и замер,

Вечный памятник русских побед.

ПАМЯТНИК ШЕЛЕХОВУ В ИРКУТСКЕ

Колумб здесь Русский погребен,
Преплыл моря, открыл страны безвестны.

Г. Державин. „Надпись на камне
могилы Г. И. Шелехова в Иркутске“.

Шапки снять!

Здесь лежит открыватель Аляски,
Наш российский Колумб,
Полномочный наместник рубежных морей.
Два столетия о нем повторяет былинные сказки
На границе Полярного круга
Грохочущий льдами борей.

Время гложет гранит.
Изветшала плита над могилой,
Позолота померкла,
Но блещет державинский стих!
Вспоминает его Ангара, налитая стремительной
силой;

Вдохновенные волны поют
О величии предков моих.

Спит кладбище.
Героевы кости истлели.
Остается нетленной крылатая юность мечты.
В заполярную ночь

У последней глухой параллели
Эту старую повесть
По-новому ты перечти.

Путь — на Север!
По мокрым снегам алеутским,
По торосистым глыбам,
На устья неизвестных рек,
Он отсюда прошел —
Переулком забытым иркутским —
На другой материк,
Заглянув в новый век.

Над Курильской грядой
Плыло солнце Полярной Державы,
А охотие люди в Охотске
Смолили морские суда,
На льняных парусах пробивались за все
ледоставы,
И уже в Калифорнии
Вятский мужик становил города...

Два столетия
Огнем салютуют вулканы Камчатки,
Новоселов российских встречая
На грани старинных путей.
Острова алеутов поныне хранят отпечатки
Дружелюбных следов
Величавых и смелых людей.

Спи, Григорий Иванович Шелехов!
Почеть — с тобою!
По открытым морям,

На просторы весенней земли
Молодые преемники твердой и дерзкой рукою
Через Северный полюс
Еще поведут корабли.

ЧКАЛОВ В „ЗОНЕ НЕДОСТУПНОСТИ“

Планета подняла белеющее темя, —
Над океаном вырос льдистый кряж;
Здесь не бывает ночи в это время,
И странный свет расплывчат, как мираж.

Почудилось ему, всего одно мгновенье:
На полюсе — дымящийся костер.
(Там — четверо, скрывая нетерпенье,
Конечно, поджидают до сих пор. . .)

А видимость внизу — одни сплошные тучи,
Белесая, гнилая пелена.
Мотор ревет, уверенный, могучий.
Но выключилась радиоволна.

Оглохли сразу все приемные приборы,
Лишь передатчик искрится немой.
Магнитные преграды, словно горы,
А надо пробиваться по прямой.

Пусть компас, вздрогнув будто в лихорадке,
Остановил скользящую иглу.
Мотор не сдаст, пропеллеры в порядке,
Литые крылья режут полумглу.

На этой широте беспомощны покуда
Короткая и длинная волна.
Но Чкалов слышит Родину отсюда:
Душа его спокойна и сильна.

На подвиг послан он своим народом,
Он сталинской заботой ободрен.
Полярный Путь все шире год за годом,
Трудами поколений проторен.

Нет «зоны недоступности» для смелых,
Которым честь и слава суждена;
Над полюсом, в туманах леденелых,
Впервые эта зона пройдена.

1939—1949

ЛАГЕРЬ НА ВЕРШИНЕ МИРА

Шумные гиганты-самолеты
Помахали крыльями прощально.
Словно бы очнувшись от дремоты,
Ветер засигналил величально.

Смутная стоит Вершина Мира:
Бездна, уходящая в туманы,
Грань, в которой точкою пунктира
Связаны узлом меридианы. . .

Снег да ледовые пестрядины,
Белые да синие отсвёты.
Тучи, распутив свои седины,
Солнцем невысоким подогреты.

Плоская угрюмая равнина.
Призрачные голые трущобы.
Вот она, папанинская льдина,
Вросшая, как памятник, в сугробы!

Черная палатка на столетья
Островом останется в пустыне.

Вымпелов пылающих соцветья
Полюс освещает и доныне.

Лагерь дрейфовать уйдет со льдами,
Море колыхнется у порога.
Многое забудется с годами,
Эта не забудется дорога.

Может быть, настанет скоро время,
Сбудутся мечтания поэтов:
Вновь поднимет сталинское племя
На Вершине Мира флаг Советов.

Четырем героям выйдет смена —
Армия строителей окраин, —
И пустыню вызволит из плена
Наш полярник —
Полюса хозяин.

1939—1949

РУССКИЕ ФЛАГИ В АНТАРКТИКЕ

ОТКРЫТИЕ АНТАРКТИДЫ, 1820 ГОД

По-русийски январь, а в Антарктике лето.
Впрочем, мало похоже: то град, то буран.
Ледяные барьеры взрываются где-то,
Черный мóрок слепит — океанский туман.

Чуть вода поугрюмее, вырастут зыби, —
С парусами работа: прибавь да убавь!
Возле самых бортов стеклянеют пловучие глыбы.
Материк потаенный приблизился въявь.

Вот она, станова́я земля Антарктиды!
В неподвижном овале подзорной трубы
Поклонились гранитные кариатиды,
И навытяжку снежные встали столбы.

Громыкнула с кормы судовая мортира;
Якоря по-хозяйски ощупали дно.
Легендарная пустошь, окраина мира,
Открывателей ты поджидала давно.

Принимай к берегам своим русские флаги!
Слушай теплую песню могучих людей!

Покорители мрака, питомцы отваги
Добрались до тебя среди льдов и морей.

Здесь российская вотчина будет отныне,
А Андреевский крест ¹ станет Южным Крестом ²:
Он затеплил огни в нелюдимой пустыне —
Этот свет разгорится когда-нибудь вечным костром!

Медным гулом запели навстречу утесы,
Отраженное эхо ложится во льды. . .
Славен флот россиян, — офицеры, матросы,
Карта Мира отметит бессмертные ваши следы.

РЕЙС КИТОВОЙНОЙ ФЛОТИЛИИ „СЛАВА“, 1949 ГОД

Экватор пройден.
Солнечная лава
На крайний юг, остывшая, плывет.
В Антарктику весну приводит «Слава» —
Буксиром солнца стал советский флот.

Вослед пловучей базе китобойцы
Распашут льдистый дальний океан.
Друзья весны,
Матросы-комсомольцы,
Я вижу ваш счастливый караван.

¹ Андреевский крест — голубой крест по диагонали на белом поле, таков был в прошлом военно-морской флаг России.

² Южный Крест — крупнейшее созвездие, видимое в Южном полушарии.

На широте, где айсбергов громады
Шатает буря в пенистых валах, —
Плывут киты,
И льются звездопады,
И Южный Крест блестит на вымпелах.

И под созвездьем этим — словно дóма —
Советский гимн
Я слышу с кораблей.
Окрайна мира издавна знакома
Друзьям весны — хозяевам морей.

Удачный путь вам,
Труженики моря!
Да будут с вами вёдреные дни!
Добычу прибылую гарпунёря,
Вы в темном океане не одни.

Чужие ветры мчатся над волнами,
Оскалился разбитый бурей лед.
Но с вашими сигнальными огнями
На вахту славы
Родина встает.

**НАШ
КРАЙНИЙ СЕВЕР**

*...С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей...*

В. И. Лебедев-Кумач

ОТКРЫТИЕ ПОЛЯРНОЙ ДОРОГИ

Полюс холода!
Черного неба зиянье.
Белых пиков над тундрой чудовищный взлет.
Полюс холода.
Здесь замерзает дыханье,
Спирт густеет, а ртуть превращается в лед.

Заполярье.
По сухим, замороженным тучам
Покатился ущербный осколок луны,
А гранитные глыбы к спадающим кручам
Припаяла, должно быть, рука сатаны.

Край земли!
Тут до дна промерзают озера,
Под сугробами стелется зябнувший лес,
Исполинские скалы огнем разузоря,
Полыхают сполохи с подножий небес.

Там, за тучами, наша легла «автострада»,
Прорубила у каменных мамонтов лбы,
И уже к океану прошли для парада,
В телеграфных шеренгах, стальные столбы.

Многоцветным полотнищем плещет сиянье.
Правда, митинг недолог и скромн на вид.
Да, ведь здесь иногда замерзает дыханье,
А сегодня оркестр вдохновенно гремит.

С головой завернувшись в косматые шубы,
Встречный марш музыканты усердно дудят.
Хриповато рокочут латунные трубы.
Цельсий скоро покажет мороз — шестьдесят!
Ну и пусть его!
Вспыхнула алая лента:
Путь-дорога открыта.
Две сотни машин,
Нахлобучив на дверцы щиты из брезента,
Полетели по ветру на гребень вершин.

Возле моря мы будем еще спозаранок,
Над хребтами сполохи зажгли светофор.
Полюс холода нынче простой полустанок,
И его замечает не каждый шофер.

1941

СТРОИТЕЛЬ ДОРОГ

Стихла апрельская вьюга,
Изморозь пахнет весной.
Встретив, как старого друга,
Сердцу родная округа
Снова зажгла надо мной
Звезды Полярного круга.

Около первой зимовки
Нынче шумит городок.
Северных дебрей обновки —
Следом давнишней кочевки,
Взрыхлив зеленый ледок,
Тракторы вышли с ночевки.

Путь им теперь без помехи
Мы проторили — навек!
Помню я редкие вехи,
Хлипких палаток прорехи,
Лагерь на пустошах рек,
Взрывы горы Кигиллехи.

Стиснув трясины гнилые,
Дамба до моря легла.

Там в зыбуны снеговые
Камни мы клали впервые,
Песня на подвиг звала,
Плавились льды вековые.

Как далеки эти годы!
Весны уходят вперед.
Слышишь, гремят ледоходы,
Полые ринулись вбóды:
Наша дорога ведет
Новую смену в походы.

Пусть же апрельская вьюга
Сыплет в виски сединой.
Встретив, как старого друга,
Сердцу родная окрúга
Снова зажгла надо мной
Звезды Полярного круга.

ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ БЫРРАНГА

На белой подошве Таймыра,
Скривившись, как два бумеранга,
Загадкой полярного мира
Легли хребтовины Бырранга.

Я видел в окне самолета:
Камней разъяренных движенье,
Бездонных ущелий ворота
И черного снега круженье.

Сквозь вздыбленный каменный хаос
Какая-то дикая сила
На древних утесах взрывалась,
Замерзшую землю месила.

Из пропасти недр преисподних,
Где пряталась тьма грозовая,
По руслам потоков безводных
Хлестала метель низовая...

Нога человечья в те поры
На этих хребтах не бывала.

Столетних преданий узоры
Людская молва вышивала.

Быранг — это темные вьюги,
Быранг — это гром камнепада,
Рубеж неизвестной округи,
Туземных кочевий преграда.

Ни зверя, ни птиц, ни растений
Поблизости даже там нету.
На памяти всех поколений
Там гибель и мрак без просвету.

.

Сегодня мне диктор столичный
Сказал в микрофон деловито,
Что подвиг свершен необычный:
Кольцо камнепадов пробито.

Отряд экспедиции новой
Проник в недоступные горы,
На карту ложатся обной
Быранга ночные просторы.

Я знаю, какие лишенья
Достанутся землепроходцам:
В пустыне, безвестной с рожденья,
Отвага со смертью столкнется...

Отчизна моя дорогая,
Заботой твоею хранимы,
Герои полярного края
Пусть будут в пути невредимы!

Пусть там, на окраине мира,
Никто не исчезнет неведом.
Пусть солнце сквозь камни Таймыра
Пройдет за героями следом!

РАДИОПОСТ

Четыре домика вдоль берега
Мы нашей улицей зовем.
Ночное солнце моря Беринга
Земле не даст тепла взаем.

Здесь в сентябре зима нечаянно
Сугробы сыплет, как холмы,
И ветер полюса отчаянно
Ткет паутину полутьмы.

Сначала мы скучали истоиво.
Хандра такая, хоть давись.
Потом знакомцами, радистами
В эфире все обзавелись.

Родилась дружба, пусть заочная,—
Но и она нам помогла.
Казалась Арктика Восточная,
В таком содружестве, тепла.

Мы обживали место новое
(На карте — гиблый уголок).
И небо слишком тут суровое,
И ветер чересчур жесток,

И много было пота пролито
В почти немислимый мороз...
Зато горячим нашим опытом
Согрет арктический форпост.

Все нам родное стало, кровное;
И низкий берег, и домá,
И море мутное, огромное,
И даже чертова зима.

Мы и ее переупрямили!
Уже не год, а скоро пять,
Мы не замерзли и не замерли
И остаемся весновать.

ГАЗЕТНАЯ ПОЧТА В ЗАПОЛЯРЬЕ

На олени рога
Налетает пурга,
Тяжелеет полярная ночь.

Слюдяная луна.
Леденец валуна.
Глухоманное место — урбчъ.

Месяц — тундровый март.
Место — город Колымск.
Россыпь звезд накануне весны.

Скрип взлетающих нарт.
Бледной вьюги азарт.
Глубоки заполярные сны.

Но у самой последней избы, за углом,
Теплый храп и качанье рогов.
Почтальон поправляет медвежий шелом,
Привезенный с других берегов.

Спит ночная река, промерзая до дна,
И ледяшкой стучит почтальон.

На страницах «Известий» приходит весна,
Слышен голос грядущих времен. . .

Белокрылые стаи хрустящих газет
Говорливей соседей-гостей;
Вот и в небе взметнулся полунощный свет
Отраженьем больших новостей. . .

В многолюдье, оттаяв,
Довольный собой,
Под расписку сдавая тюки,
Почтальон засыпает
Над книжной стопой,
Не сгибая упрямой руки.

Путь жестокий —
Пять суток сквозь стену снегов,
Пять завьюженных северных дней;
Сквозь туман колыханье оленьих рогов,
Торопливые скрипы саней.

Ошалелая вьюга впадает в азарт,
Но спокойны якутские сны.
Место — город Колымск,
Время — тундровый март,
Россыпь звезд — накануне весны.

ОХОТСКИЕ ЖИТЕЛИ

Охотское — море,
Охота — река,
И город Охотском зовется.
И песня в Охотске поется:
«Охочему люду работа легка,
С охотою легче живется. . .»

На голых песках поднялся городок:
Ни камня, ни деревца нету,
А славен по белому свету.
Он сторожем вышел на Дальний Восток,
Поставил на взморье отмету.

Его подмывала шальная вода,
Морские пески заносили,
И ветры избушки сносили.
И что же? Охочая воля тверда,—
Другую судьбу не просили.

Три века растет городок да растет,
Ядреный, задорный, двужильный,
Добычей всегда изобильный.
И нынче живет в нем веселый народ,
И нет там души слабосильной.

Охочие люди в Охотске живут —
Ловцы, пушники, китоловы.
У всех у них песни готовы.
А песни в Охотске недаром поют:
Готовятся, значит, обновы.

И впрямь, обновляется наш городок.
Надежная радость богата —
Растут и дома и ребята,
И выращен первый кудрявый садок
В песках, пустовавших когда-то.

БЫВАЛЫЙ ПОЛЯРНИК

Не так чтобы молод, не так чтоб и стар,
А за плечами — семнадцать зимовок.
Лицо прокалил медно-красный загар.
Он в кителе новом подтянут и ловок;

Походка пружинит, стремителен взгляд,
Могучие плечи высоки и круты.
Ему непривычен парадный наряд,
И тесно, должно быть, в коробке каюты.

Он ходит по палубе, словно на льду.
Машистая поступь ложится проворно.
Таковыми шагами сквозь ветер идут,
Сквозь смерть переходят легко и упорно.

Как изморозь, в темных висках седина.
Ну что же, не красят года и тревоги,
Зато вот душа молода и сильна,
Всегда наготове в любые дороги.

Семнадцать зимовок на картах страны —
Семнадцать форпостов в безлюдье обжито.
Теперь там на рейдах огни зажжены,
Холодное море для жизни открыто.

И уж не туда ли глядит он, назад,
Волнуем одной неотступною думой:
Зимой ледоставы опять пригрозят
Становью, открытому в бухте Угрюмой.

Как справятся новые люди с пургой? ..
Успеют ли грузы убрать от припая? ..
Он пристально смотрит на берег нагой,
А там уже первая дымка слепая.

Снежит нынче рано, термометр упал,
Скупая заря полусумраком стерта...
Сейчас начинается первый аврал:
Матерые льды лезут с правого борта.

В тяжелую вахту он с нами пойдет.
На отдых он едет, да малó охоты:
Бывалый полярник семнадцатый год
Не может и часу прожить без работы.

ОСЕНЬ ЗВЕРОБОЯ

Грузные сизые гуси
Гулко полощут крылами.
В дымном, полуношном небе
Солнце сгорело дотла.
Зайцы полярные трусят,
Филин гнездует на камень.
Лунный обломанный гребень
Тушит промокшая мгла.

Сентябрь подымает погоду —
Гремучую черную воду;
Чеканит плешивые ивы
Холодным, густым серебром.
Курчавится шерсть горносталя,
Песец голубеет лениво,
Медведь-рыбод на протоке
Хрустит осетровым ребром.

Уложены в сумку заряды,
Обтянуты камусом лыжи,
Как бритва, наточен до блеска
Граненый увесистый нож.
Теперь бы скорей снегопады

Да к морю податься поближе.
На самом краю перелеска
Звериный заказник хорош.

И зверя и вьюгу я встречу
Колючей, добротной картечью.
Поставлю мои самолеты
На хитрых песцовых следах.
Обшарю приморскую тундру,
Колхозу добуду обновы.
А белого умку-медведя
Ножом доконаю во льдах.

ПЕСНЯ ЛЕСОРУБОВ

Серебряных опилок насыпала метель,
Поземка расстелила пуховую постель.
Тайга стоит нарядная, хозяев поджидая...
На просеку выходит бригада молодая.

Басит электропильщик, струной резнул лучкист,
На ледяной дороге сигналил тракторист.
Пыхнули ранние костры смолевыми дымками,
И солнца огненный фонарь поднялся над горами.

Зацвенькали синицы: им любо поглядеть,
Как побежал в испуге разбуженный медведь
И, словно выполнив маневр, послушные приказу,
Шестнадцать сосен столбовых легли в шеренгу сразу.

Сквозь заросли густые ударил зимний гром —
В тайге зарокотало, аукнулось кругом:
Там поезд тракторных саней, на плотбище въезжая,
Сгружает первые плоды лесного урожая.

Встречай, тайга сибирская, хозяева идут!
Походка богатырская —
Могущественный труд!

С поклонами сгибаются
Столетние леса,
И солнцу откликаются
Стальные голоса!

КАЛЕНДАРЬ ОЛЕНЕВОДА

1. ВРЕМЯ РАНИИХ ТЕЛЯТ

Огнистые брови зажмурил глухарь,
Тетерки кряхтят на токах;
В тайгу наплывает истомная ярь,
Вскипает вода в родниках.

Сугробы густеют под настом тугим.
Все чаще и чаще капéль.
И вот перелеском, пустынным, нагим,
На север приходит Апрель.

Колхозного стада счастливый пастух,
Ему говорю я: «Пора!
Полсотни ватажных моих оленух
Уже отелились вчера...»

На тоненьких ножках устойчиво встав,
Оленчики маток сосут,
Вдыхают подснежные запахи трав,
Мохнатые рыльца трясут.

Шагай поскорее, ленивый Апрель,
Гони золотое тепло!

Набухла смолистыми соками ель —
Янтарной слезой потекло.

А утром морозцы поземкой пылят...
Зиме говорю я: «Пора!
Мне надо лелеять оленьих телят,—
Полсотни родилось вчера.

Давай-ка подальше сдвигайся, Зима!
Апрель, подогрей ее, друг!»
Ручьи принимают в свои закрома
Останки растаявших вьюг.

Пестрят на проталинах свежие мхи,
И скоро гусиный залет.
Готовьтесь в кочевья, друзья-пастухи,
Считайте ветвистый приплод!

2. ВРЕМЯ ЛЕТНИХ ПАСТВЩ

С моря дует солеными ветрами,
Моховища на тундре богаты.
Кочевыми дорогами летними
Дни проходят, светлы и крылаты.

Наши выпасы — место исконное,
Изобильное тучными мхами.
Солнце, в полдень и в полночь бессонное.
Соревнуется тут с пастухами.

Свет его на песках перламутровых
Озерки отражают беспечно.
Благоденствие щедростей тундровых
Стало радостью сердца навечно.

Молодые утехи давнишние —
Летованье запомнится нá год.
Словно бархат, кочкарники пышные,
В желтом жемчуге кустики ягод.

Не успеешь опомниться, к осени
Подрастут и стада и деревья.
Первый дождь из задымленной прѳсини
Позовет на другие кочевья.

Ветер с моря хлестнет в гололедицы.
Одичают быки ездовые.
Семь зрачков Поднебесной Медведицы —
Это наши огни путевые.

3. ВРЕМЯ ОЛЕНЬИХ НОЧЕЙ

Облака навалились, косматы,
Потушили зарю-завечорку.
Иглы лиственниц ливнями смяты,
Перемерзли в хрустящую корку.

Снегу падать еще неохота.
И земля, как железо, звеняща.
Куропатки ушли на болота,
Запустела, нахохлилась чаща...

За становьями, в ночи глухие,
Перелески полны оживленья:
Бьют рога́, будто сучья сухие,—
Это осень гуляет оленья.

В трех шагах от костра зги не видно:
Темь густая, — хоть щупай руками, —
И в нее провалился постыдно
Мой вожак с завитыми рогами.

Потянуло его, забияку,
На любовные игры ночные.
В эту пору, как ввяжется в драку,
Позабудет повадки ручные.

Что поделаешь, ночи-зазимки
Засевают весеннее семя...
Оленухи теперь нелюдимки,
И на пастбищах тихое время.

В первый раз после шумного лета
Пастухи и подпаски — на сборе.
Чаепитье идет до рассвета,
Трубки дружно дымят в разговоре...

Утром вышел я, вижу: пороша
Кружит белые перья над логом,
У палатки — измят и взъерошен —
Мой вожак... с переломанным рогом.

4. ВРЕМЯ ЗИМНИХ СТОЯНОК

По следам голубых индигирских песцов
Снеговая вскипает волна.
На зубчатую стену границы лесов
Медным бубном вкатилась луна.

Он вот-вот загремит под ударом пурги
Или в тундре исчезнет опять. . .
Уходи под защиту матерой тайги,
На становья спеши кочевать!

Наши зимние станы закончили путь
В двадцати переходах на юг.
Можно будет оленям теперь отдохнуть,
Не пугаясь назойливых выюг.

За спиной лесотундровых сплюсненных гор
Сторожами стоят валуны.
Бригадиры выходят в летучий дозор,
Проверяют свои табуны.

С легким посвистом лыжи вздымают носы,
Карабин наготове всегда,
И оскалили пасти клыкастые псы,
Обегая олени стада.

Росомаха до пастбищ не смеет дойти,
Пуля есть для полярных волков.
А метель запрокинулась на полпути,
Налетев на заслон сосняков.

Погляди, как спокоен на пастьбе косяк:
Словно лес — шевелятся рога.
Впереди выступает гривастый вожак,
Разбивая копытом снегá.

Матки вместе с телятами хрупают мхи,—
Нынче мох уродился богат.
Значит, будем богаты и мы, пастухи,
Гуртоправы колхозных бригад!

КРАСНЫЙ ЧУМ В ЭВЕНКИИ

Стой! Придержи оленей!
Взглянем, что там такое? ..
Полная серых теней,
Тундра лежит в покое.

Круглые лбы увалов
Спят, как тюлени в море.
Заросли черноталов
Дремлют на косогоре.

Два светляка чудесных
Словно с небес упали,
Между холмов окрестных
Дружески замерцали.

Эй! Поезжай убродом!
Встречи теплы такие.
Красный чум походом
Двигается по Эвенкии.

На два шатра — палатка.
Два фонаря — у входа.
Дыма густая прядка
Льется из дымохода.

Ну, заходи смелее...
Ух, как светло и чисто!
Пол снеговой белеет,
Лампы горят лучисто.

Столик складной, просторный.
Россыпь газет и книжек.
В печке огонь задорный
Дверцы узором выжег.

Тундры обычай зная,
Гостеприимством щедрый,
Весело закипая,
Булькает чайник медный.

Лозунги и плакаты
Будто летят с простенков
И говорят крылато
На языке эвенков.

Вот в радиоприемник
Слышен привет столицы.
Ветер затих, бездомник.
Песни шумят, как птицы.

Здравствуй, товарищ Сталин!
У твоего портрета
Мы сыновьями встали.
Тундра тобой согрета.

Это твоею волей
В зимних станциях здешних
Крепнет весенней долей
Племя людей воскресших.

В северном отдаленье
Наша любовь с тобою!
Сталинское ученье
Речью звучит родною.

Слово вождя — с народом!
Радостны дни такие.
Красный чум походом
Двигается по Эвенкии.

УЛЬЯН-БЕЛКОВЩИК

В кедровых лесах отбуянил буран,
Щебечут синицы-теньковки.
Мой верный напарник, охотник Ульян,
Готовит к работе винтовки.

Заманчиво темные блещут стволы,
До глянца начищены ложа,
Обшиты подстриженным мехом чехлы,
Упруга чехольная кожа.

В добротном порядке охотничья снасть!
Ульян постарался наславу:
Ему по душе промысловая страсть,
Таёжное дело по нраву.

Чуть белка «поспеет», мой парень готов:
Во сне об охоте толкует.
Парнишке всего-то шестнадцать годов,
А пятую зиму белкует.

Как выйдем по снегу в широкую падь,
Начнём огневую работу,
Ульяна не надобно мне подгонять —
Он сам меня вгонит в заботу.

И ты не гляди, что по виду он тих.
Попробуй-ка с ним потягаться.
Возьму я, к примеру, десяток бельчих,
А он настреляет — пятнадцать!

В другой раз пятнадцать и я принесу,
Тогда у него — два десятка.
Обшарит, кажись, все деревья в лесу,
Добычу возьмет без остатка.

Совсем мой Ульян осрамил старика,
И все-таки мне не обидно:
Ведь промыслу я обучал паренька,—
По выстрелу каждому видно.

Хлестнет малопулькой: не в темя, так в глаз!
Не пустит на ветер заряда.
И шкурка выходит — по сорту — как раз
Такая, что скидки не надо.

Простите, друзья, седоусую спесь,
Ульяном горжусь и собою:
У парня приметная выучка есть —
Мой опыт, и даже с лихвою.

Недаром с подростками трудимся мы,
Оправданы наши заботы.
Скажу вам по чести, что с этой зимы
Ульян будет — мастер охоты!

**ТРАКТОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ
ЗОЛОТОТРАНСА**

1

Заря спускается с вершин,
Ее давно на тракте ждут.
Колонна — двадцать семь машин.
В путевках — скоростной маршрут.

Не отставай!
Лети! Гони!
Петляет тракт: туда-сюда.
В кювет, гляди, не подверни.
Гудрон струится, как вода.

Обманчив каждый поворот —
Дорожных знаков не прочесть,
Сухая пыль стекло дерет...
Который час?
Должно быть, шесть.

Почти светло.
Гони! Лети!
Километраж — вчера — пятьсот!
Теперь как раз на полпути,
Спускаться надобно с высот.

Петляет тракт:
Сюда-туда.
Ущелья, пропасти, обрыв,—
Чуть что, и ухнешь без следа.
Водитель стал неговорлив.
Всю ночь калякал,
А сейчас,
За этим каменным углом,
Кепчонку сдвинувши до глаз,
Застыл, пригнувшись над рулем.

2

Часа четыре будет спуск.
Не снимешь ногу с тормозов.
Рассвет в пыли совсем потуск,
Сомкнулись прѣреди лесов.

Машина — что, а вот прицеп!
Как ни крутись, а десять тонн
На поводке железных скреп
Грохочут, катятся вдогон.

Подъем — пустяк:
Мотор не сдаст,
На спуске только не зевни.
Шипит, свистит гравийный пласт,
Краснеют задние огни.

Шоферы мчатся
Следом в след.
Низины сыростью дымят.
Таежным солнцем разогрет,
Метнулся горный водопад;

Ручей дорогу пересек,
В стекле заби́лась стрекоза,
Мелькнул приземистый мосток..
Заскрежетали тормоза.

3

Кепчонку сдвинув набекрень,
Водитель пот смахнул со лба.
— Кажись, не плохо начат день!
— Ну как, понравилась гоньба?

— Километраж? Вчера — пятьсот,
Сегодня триста за полдня...
Золототранс проверит счет,
Конечно, тщательней меня.

Но я работу шоферов,
Ведущих скоростной маршрут,
Ценил бы званьем мастеров,
Искусством звал бы этот труд.

АНГАРСКИЙ ЛУЧКИСТ

Зима навстречу лесорубу
Ссыпает звезды с облаков,
Плечистый лес укрылся в шубу
Из горностаевых снегов.

Заря — капризная девица —
Спешит на прорубь к Ангаре
Водой хрустальной умыться,
Сверкнуть прической в серебре.

Но что ж ты нынче запоздала?
Ты проспала, заря. . . Гляди,
У самой кромки лесовала
Бригада наша — впереди!

Спеши, заря, а то отстанешь. . .
Слышь, на горé и у горы,
По всей тайге, куда ни глянешь,
Постукивают топоры.

Мороз. Погодка бедовая.
Но басовито, как пчела,
Гудит утеха трудовая,
Моя лучковая пила.

Заря, заря! Иди, погрею,
Вставай-ка рядом тут со мной.
Твою сонливость я развею
Стальной певучей струной.

Послушай, как поет! Проворна,
Легка, задориста, остра,
Опилки сыплет словно зерна
Моя тасжная сестра.

Да, да, сестра! Мы с ней родные.
А ты не веришь? Вот и зря!
У нас характеры стальные:
Вот в чем родство, пойми, заря.

СПЛАВ ЛЕСА

Пошли плоты по Ангаре.
Раздольный путь далек.
Дымясь туманом на заре,
В голубоватом серебре
Куражится поток.

Бегут плоты за льдом вослед:
Что день — то сотня верст.
Встречая северный рассвет,
Волна волне гремит привет.
Тепло несет зюйд-ост.

На Енисей уходит лед.
Нельзя, нельзя отстать!
Весна могучая зовет,
В разгаре птичий перелет...
Чтобы не запоздать!

На стрежень выйдя, чуть дрожит,
Как броненосец, плот:
В четыре яруса кряжи,—
Рулем ворочай да держи,
А он не подведет.

Спешат плоты и ночь и день...
Все ширится река.
Огни прибрежных деревень,
Волны певучая крутень...
Густеют облака.

Игарка ждет! Игарка ждет! —
Торопят маяки.
И лоцман крепче руль берет,
И догоняют ледоход
Друзья-плотовщики.

Они упорнее ветров,
Задорны и сильны,
Громады мчащихся плотов
Ведут за самой кромкой льдов,
Как вестники весны.

ИСКАТЕЛИ МЕТАЛЛОВ

У костра-дымокура
Сохатинная шкура,
На походном треноге
Медный чайник бурлит.
Ночь глухая, сухая,
Свет зарниц полыхает.
У костра-дымокура
Экспедиция спит.

Проводник под сосною
Спит и бредит весною.
Два геолога рядом
На кошме улеглись.
А начальник усталый
Лег в траву под кустами
И не видит, как звезды
Над тайгою зажглись.

Россыпь звезд — астрономам,
Небеса им знакомы. . .
На земле для геологов
Есть работа своя:
Ребра гор обнажили

Самородные жилы;
Сгустки ярких металлов
Перевалы таят. . .

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,
А на шкуре добыча:
Голубая руда,
Отраженьем рассветов —
Пестрота самоцветов,
Блеском северной ночи —
Отливает слюда.

Каждый взлобок нагорья,
Каждый куст лукоморья
Перерыт, перещупан
Терпеливой рукой.
Молотки притупились,
Сапоги изнасились;
Путь отмечен на карте
Непрерывной чертой.

От зарницы к зарнице
Путь на север стремился,
Рудознатцы советские
Шли тайгой напролом;
От шумливых соседей
Убежали медведи
И глухарки с гнездовий
Забрались в бурелом. . .

У костра-дымокура
Сохатиная шкура,

На походном треноге
Медный чайник бурлит.

Только надо признаться,
Крепко спят рудознатцы —
Им сейчас не до чая,
Сон над ними летит.

**НА ТРАССЕ
НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ**

На транссибирских самолетах,
Под флагом рейсовых судов,
Раздвинув горы битых льдов,
В недостижимых широтах
У заполярных городов...
Советский Север — на работах!

Биенье цифр, живые схемы,
Зигзаги ярких диаграмм
Сухим отчетом не отдам!
Госплан уже вошел в поэмы
И, вдохновляя песню, нам
Раскрыл нетронутые темы.

Я вижу нашу пятилетку
В труде ровесников моих,
В том, что пишу я этот стих,
Готовясь в авиаразведку:
На картах Севера родных
Поставить свежую отметку...

Когда заветные края
Оглянешь с птичьего полета,
Для наблюдателя-пилота

Большая Родина моя
Открыта сердцу патриота,
Чудесной силы не тая.

Перешагнув за круг Полярный,
Врезаясь в тундровый покров,
Зерно испытанных хлебов
Якут-колхозник благодарный
Взлелеял стойкостью сортов.
Труд урожаяен светозарный!

Порывом этого труда
Разбиты скалы Верхоянья.
Теплом могучего дыханья
В пустыне плавится руда,
И новостройки высят зданья,
Где расступилась гор гряда.

Вдоль берегов морей открытых
Не угасают маяки,
Перекликаются гудки.
Для тружеников именитых
Пришли желанные деньки —
Не будет больше мест забытых!

ФЛАГИ
НАД МОРЯМИ

*Молодые советские флаги
Над морями Отчизны летят...*

Песня

НАВИГАЦИЯ В АРКТИКЕ

Тяжелый шаг линейных ледоколов
Пробил дорогу транспортным судам.
И вот уже у пристаней и молов
Бурлит в камнях зеленая слюда;
И вот уже над тундровой равниной
Яснеет неба дымчатый сапфир;
В радиорубке клеток журавлиный,
А наш радист «врывается» в эфир.

— Что там?

— Да что, брат, свистопляска.

Шестнадцать станций сразу говорят!

Прогноз погоды требуют из Спасска,

Охотск оглох,

С Якутсией — разлад. . .

— Ну, ничего, сейчас их «вгонят» в нормы.

Что караваны? Вышли? С двух сторон?

— Идут, браток! На западе сквозь штормы,

А на востоке — льдам наперегон.

Идут. Сюда! . .

Я слышу их в эфире,

Я вижу их в разбуженных морях:

Рыбацкие становья на Таймыре
Позолотила теплая заря.
Зимовки, принаряженные к встрече,
Нетерпеливо бодрствуют и ждут;
Маршрут давно проверен и размечен.
Труби, прибой, труби! Они идут.

Плывут большие наши караваны.
А с ними жизнь сама плывет сюда,
Весенний свет неся через туманы
В арктические бухты, в города,
В поселки наших первых пятилеток,
Где новые зарницы поднялись,
Где вологжанин, мой далекий предок,
Открыл вот этот Зыблющийся Мыс,—

А он незыблем. Зыбко только море,
Но берега́ отечества тверды.
И мнится мне, истаяли в просторе
Тяжелых лет расколотые льды.
На полюс тянет айсбергов остатки.
А в Заполярье флагов бирюза,
И от Архангельска до гаваней Камчатки
У маяков затеплились глаза.

И от Чукотки к Мурману с рассветом
Сигналят рейды, станции, посты.
Главсевморпуть, командующий летом,
Несет для нас ожившие мечты.
За журавлями следом самолеты
Над головами нашими летят,
И скоро-скоро солнечные соты
Горячим медом тундру напоят.

АРКТИЧЕСКИЙ ПОРТ

Отбив атаку мутного прибоя,
Стеной гранита поднят волнорез.
Знакомый флаг на мачте китобоя
Летит под сводом низеньких небес.

Частенько тут спасаются в отстое
Захваченные бурями суда.
На побережье, некогда пустое,
Глядит, дивясь, Полярная звезда.

Еще причалы камнем не обуты,
Вода глотает щебень и бетон,
А к нам уже проложены маршруты,
Вступает в строй арктический затон.

Мы ставим порт у самой дальней грани,
На стыке вновь открытых берегов,
Где по утрам мираж рассветной рани
Мостит пролив кусками облаков.

Мы ставим порт — приютом и заслоном
От штормовых внезапных непогод.
Под этим тусклым, темным небосклоном
Не заскучает больше мореход.

На край земли, к распахнутым воротам,
На перекресток сумрачных морей,
Выходят в рейс по северным широтам
Флотилии советских кораблей.

Дорога их по дедовскому следу,
По маякам постов передовых,
Где, трудовую празднуя победу,
Зажглись сиянья бухт сторожевых.

И новый порт войдет в сиянье это,---
Его огнями льды озарены;
Дыханьем нашим будет обогрето
Строительство окраины страны.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

Вот какое ты!
Огромное,
Неприветливое, темное,
Диким ветром взбаламучено,
Будто судорогой окручено.

Вечно зыблемое шквалами,
Ты грозишься льдами талыми;
Берега твои бескрайные,
Редки гавани причальные.

Но прекрасно, даже гневно,
Ты, седое море, древнее,
Шапкой облачной покрытое,
Даже летом ледовитое.

Люди русские, — всегдашние, —
Наши прадеды бесстрашные
Из холстины парус ставили,
На судах дощатых плавали;

Зимовать на берег чаились,
Не робели, не печалились,

Проторили трóпы правнукам,
Нашим доблестным полярникам.

Имена их светят скромные,
Словно звезды, в ночи темные —
Маяки, сигналы, пристани,
Обозначенные исстари.

Здравствуй, здравствуй, море древнее,
Неприветливое, гневное!
Мы твоей волной умоемся
И еще с тобой поборемся.

Бейте вглубь дороги вольные,
Караваны ледакольные!

ПО СЛЕДАМ БЕРИНГА

Плыву туда, где Беринг плыл,—
На рубежи,
Где в полночь солнца свет застыл
В морях чужих.

На стыке двух материков
Тумана нет.
Под парусиной облаков
Лучится свет.

Мне померещился вдали
Тяжелый бот.
Быть может, Беринг корабли
Опять ведет?

Быть может, Дежнева суда,
Навстречу мне,
Под ветром тянутся сюда
В крутой волне?

Нет, это новый караван
В советский порт,
Перевалив меридиан,
Ведет эскорт.

Два ледореза впереди
Взметнули флаг.
Дака команда: «Подходи,
И следуй так».

Зарокотали дизеля.
Вперед, вперед!
Большая русская земля
Сигнала ждет.

Радист у нас не говорлив.
И вот ответ:
— Проходим Берингов пролив,
Отставших нет. . .

Отставших нет. Проверен путь.
Не нужен лот.
На всех путях удачлив будь,
Советский флот!

ПОДЪЕМ МОРСКОГО ФЛАГА

Корабельное время пришло на побудку,
Заливается боцманский свист:
Старый друг мой рокошет неистово в дудку,
По утрам он всегда голосист.

Вишь, как рявкнул у самой каюты!
Это значит, чтоб я не проспал,
Чтоб одеться успел за четыре минуты
И к поднятию флага попал.

Повинуясь порядку большого похода,
Торопливо бегу на корму,
Где упругие волны с бортов парохода
Снеговую трясут бахрому.

Море нынче в зыбучем, слоистом тумане,
И опять запоздала заря.
Только боцманский свист никогда не обманет,
И вставал я — так рано — не зря.

Как торжественны люди на вахте рассветной!
Вот ударили склянки. Гляди...
На железную мачту, родной и заветный,
Поднимается флаг впереди.

Он над судном парит золотыми огнями,
Герб Отчизны могуче подняв.
Он, как солнце, свободно проходит морями,
Непогоду в пути обогнав.

Потому-то торжественно замерли люди
И у всех потеплели глаза.
Никакая пурга нас теперь не остудит,
Никакая не сломит гроза.

Поднят флаг.
А заря, как всегда, поздновата.
Хлещет ветер знобящей струей.
В этот час сухопутное сердце солдата
Побраталось с матросской семьей.

БУХТА АМБАРЧИК

Чем ты славишься, бухта Амбарчик,
Я пока никому не скажу.
Заколдованный северный ларчик,
Я с востока к тебе подхожу.

Но и тот, кто плывет мне навстречу,
Ждет твои голубые огни
И в июльский оранжевый вечер
И в сентябрьские серые дни.

О тебе говорят мореходы,
Ледоколы стремятся к тебе.
Ты встаешь сквозь заслон непогоды,
Угнездившись в прибрежной резьбе.

Неказисто кругом, неприглядно,
И суров после шторма прибой,
А полярному сердцу отраднo
Повстречать твой огонь молодой.

Лишь бинокли тебя обнаружат,
Посветлеет в пустынях ночных,
Забывается знобкая стужа
И коварство полей ледяных.

Заколдованный северный ларчик,
На далеком скупом берегу
Ты прославишься, бухта Амбарчик,
Честным словом поклясться могу!

БЕЛАЯ НОЧЬ НА ЧУКОТКЕ

Серебряные тучи,
Эмалевые горы,
Береговых излучин
Чеканные узоры.

Я полон недоверья:
Ужели полночь это?
Но облачные перья
Не потеряли света.

А на часах двенадцать,
И где-то дремлют люди,
И сны кому-то снятся
Такие ж, как повсюду...

Мне третью ночь не спится.
Гляжу замороженный:
Чудесный свет лучится,
Бессмертием рожденный.

В теплеющем заливе
Заснувшего китепка
Волна неторопливо
Качает, как ребенка.

А дальше мать-китиха,
Полна большой заботы,
Фонтан пускает тихо
Под синие высьбы.

С волною вместе лодки
На отмели вкатились,
И вот земля Чукотки,
К которой мы стремились.

Мой брат или мой пращур,
Не знаю, кто встречает,
А сердце бьется чаще
И другу отвечает.

Нам радостны приветы
Полночной этой жизни,—
Не ею ли согреты
Окраины отчизны?

Чукотские просторы,
Задымленные кручи,
Эмалевые горы,
Серебряные тучи.

ЛЕДОВОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Серые мокрые птицы
На борт садятся рядами.
Тусклое море дымится,
Сжатое грузными льдами.

Сея колючие иглы,
Тучи темны, как берлоги.
Ранняя осень настигла —
Пройдено лишь полдороги.

Тяжко вздыхают машины,
Гулко грохочет железо:
Рвет голубые плешины
Вздыбленный нос ледореза...

В бочке, на мачте гудящей,
Вахту несущую ледовую,
Словно бы в люльке висящей
Мчусь в пустоту штормовую.

Льды, и разводья, и тучи
Видно отсюда, как с горки.
А в телефоне хрипучи
Штурмана скороговорки:

— Как там?
— Да так, ледовито...
— Ладно идём?
— Без сомненья...
Мачта гудит басовито,
Судно полно нетерпенья.
Мне хорошо в непогоду:
Вахта на бочке — по нраву.
— Ходу, товарищи, ходу!
Нас не догнать ледоставу.

БОЛЬШОЙ ДИОМИД

Эскимосское стойбище. Ветер.
Океанский медлительный вал.
Горизонт по полуночи светел.
Не во сне ли все я увидал?

Многоликие идолы-горы.
Разноцветные камни-столбы.
На песках травяные узоры
И тюленьих лежанок горбы.

Пахнет морем солено и пряно.
Зверобои сидят у костров.
Это племя детей океана —
Обитатели двух островов.

Слушай, слушай! Ударил винчестер, —
То меня подзывают к кострам:
Дескать, если охотился вместе,
Ты не гость, а хозяин здесь сам.

Что ж, обычаем славна охота.
Два котла остывают в песке.
В знак, должно быть, большого почета
Мясо мне подают на доске;

Вилки мы заменяем руками.
Но завиден у всех аппетит!
Чашка спирта распита глотками.
— Здравствуй, остров Большой Диомид!

Любы мне твои яркие краски.
Неотрывно гляжу в океан:
На мысах недалекой Аляски
Истлевает вчерашний туман.

Говорят, туг проходит граница
Между прошлым и нынешним днем¹.
Этот остров в проливе, как птица,
Озарился рассветным огнем.

И недаром сюда эскимосы
Приезжают с чужих берегов,—
Здесь долларовой взятки не спросят,
Кочевых не ограбят шатров.

Кто свободную землю увидел,
Не вернется в туманную тень.
На советском Большом Диомиде
Начинается завтрашний день.

¹ Между островами Большого Диомида (СССР) и Малого Диомида (США) в Беринговом проливе проходит наша государственная граница и международная граница дня.

КОМАНДИР ЛЕДОКОЛА

Будь я скульптором, честное слово,
Изваял бы его фигуру.
И гранит, может быть, сурово
Воплотил бы в себе натуру...

Вот он встал у командной рубки,
В задубелом морском кожане.
Горьковатым дымком из трубки
Потянуло в ночном тумане.

Седоватые брови хмурия,
Он читает радиосводки,
Где обещаны снова: буря
И сплошной ледогон с Чукотки.

Командиру это не в диво.
Пепел трубочный выбив за борт,
Принимает он терпеливо
Новичка аварийный рапорт.

Новичку — первый рейс — не шутки,
И на сердце, ей-ей, тревожно.
Дрейф идет уже третьи сутки.
Зазимуем? Да разве можно?

Трое суток рычат турбины.
На винте обломилась лопасть,
Под кормой громяхают льдины
И бездонная бьется пропасть.

Меднолицый, широкоскулый
(Острый глаз в голубом накале)
Командир наш, всегда сутулый,
Распрявился вдруг на аврале,

Словно вырос он как-то сразу.
Даже поступь потяжелела.
Все послушно его приказу —
Он хозяин души и тела.

Все живое на ледоколе
Поднял дух командирской силы.
Подчиняясь могучей воле,
Вахты смен себе не просили.

Мне теперь будет долго сниться
Дрейф ночной возле скал Чукотки:
Мокрый ветер и снег в ресницах,
Луч прожектора,
Скрип лебедки,

И высоко, над верхней рубкой,
Я увижу и через годы
Силуэт человека с трубкой —
Победителя непогоды. . .

СКОВОНОЙ РЕЙС

Домов серебряные крыши,
В снега закутанные сопки.
К вершинам их (и даже выше!)
Бегут натóренные тропки.

От солнца хочет заслониться
Гора в дымящейся борчатке¹.
Шумит окраины столица —
Наш Петропавловск на Камчатке.

Весь город — словно на ладони,
Как муравейник хлопотливый:
Автомшины, нарты, кони
В поток сливаются бурливый.

Все мчится в гавань, на причалы,
Где загудели теплоходы,
Где новый вымпел повстречали,
Преодолевший непогоды.

Через пустыню снегопада,
Между ветрами ледяными

¹ Борчатка — сибирская овчинная шуба.

Он к нам пришел из Ленинграда,
Морями Арктики ночными.

Балтийский вымпел на Камчатке,
Почетный гость моей окраины!
Гора в дымящейся борчатке
Салютом вспыхнула случайным.

Под снегом здесь огни земные,
Но жарче пламени вулканов
Сердца камчатские, родные,
Балтийских встретят капитанов.

Весь Петропавловск в гавань вышел...
Поют оркестры теплоходов.
И золотистый стяг колышет
Заря грядущих солнцевосходов.

1939

НАД КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДОЙ

Как спины каменных китов,
Овалы плоских островов
Внизу ныряют между туч...
Сегодня утром ветер жгуч:
Кидает клочьями туман,
В бугры взрывает океан.
Прибой намылив, островки
Распластывают плавники.

Буруны клещут на камнях,
Кипит чешуйчатый размах.
Посадки бухта не дает...
Тяжелый гидросамолет,
Завинчиваясь в высоту,
Разбрызгивает мокроту:
Перепотелое стекло
Дождем холодным обтекло.

Внизу — Курильская Гряда.
Ползут транзитные суда,
Рыбачьи катеры бегут.
Сигналы реют там и тут.
Живет окраина, живет!

Задумчиво глядит пилот,
Насупилась густая бровь.
Привиделось, наверно, вновь:

Грозóвый сорок пятый год,
Осенний штормовой поход
И высадка десантных групп. . .
В туман, на остров Итуруп,
Вот здесь, с дождливой вышины,
Торжественно напряжены,
Нацелившись на темный мыс,
Десантники бросались вниз.

Зенитки лаяли внизу.
Два дня гремело на мысу.
Японский сдался гарнизон.
Он был бы вовсе истреблен,
Да оглушенный штурмом враг
Покорно поднял белый флаг,
И был салютом осиян
В то утро Тихий океан.

ВЕСНА ОКРАИН

*И жизнь
хороша,
и жить
хорошо.*

В. В. Маяковский

ПРИЗЫВ К ТРЕМ СТИХИЯМ

Ты, море,
Порывом певучим
Ударь в предвесенние дни,
Раздвинь ледовитые кручи,
Сугробы снегов всколыхни.

Ты, ветер,
Рукою широкой
Сорви пелену облаков,
В пустыне мосй одинокой
Затепли огни маяков.

Ты, солнце,
Лучами обрызни,
Счастливым теплом напои
Окраины милой отчизны,
Холодные тундры мои...

Своей голос я к вам подымаю,
Великого отклика жду,
Навстречу желанному маю
В последнюю вьюгу иду.

ПОЛЯРНЫЙ ЗОВ

Думы, думы мои, смутяны,
Вы приходите каждый год.
Горный ветер с верховьев Яны
За собою к морям зовет.

Теплой песней, еще не петой,
Похваляются журавли.
Как противиться силе этой
Полюбившему край земли?

Пароходы уже — в проливах.
Самолеты штурмуют высь.
На дорогах весны счастливых
Все друзья мои вновь сошлись.

Среди полночи утро встало.
Факел солнца неугасим.
Разве мне отставать пристало,
Старожилу полярных зим?

Нет, и я попрошу путевку,
Инвалидный листок верну:
Пусть назначат меня в зимовку,
Чтоб я снова узнал весну,

Чтобы ветер с низовьев Яны
Журавлям подпевал за мной,
Чтобы думы мои, смутьяны,
Всколыхнули простор земной.

ЛЕНСКИЕ СКАЛЫ

Скалы? Нет, не похоже на скалы.
Допотопные чудища в ряд
Поднимают крутые оскалы,
Всеми красками радуг горят.

Горы? Нет, не похоже на горы.
Это — башни, дворцы, теремá,
Колоннады, террасы, соборы,
Минареты, гробницы, домá. . .

Ты мне скажешь, утесы? Да что ты!
Это — стадо летучих коней,
Носороги, слоны, бегемоты. . .
Ты толкуешь: «Причуды камней».

Но вот это, конечно, не камень!
Это витязь с разбитым щитом
Упирается в небо руками,
Нахлобучив гранитный шелом.

Там, подальше, стоят великаны:
Опустившись по пояс в тайгу,
Иступили свои ятаганы
И оставили на берегу.

Видишь, лезвия? Здесь воевали! . .
Дремлют палицы, спят бердыши.
На секирах насечки пропали.
Только копыя еще хороши!

Высоко они в небо взлетели
На уступах расколотых плит.
Сто веков и в жару и в метели —
Это ленская стража стоит.

Так-то, друг мой! А ты равнодушно
Бормотал о причудах камней.
Целый день мы глядим,— и не скучно
Пассажирам речных кораблей.

Загляделось на ленские вбды
Даже солнце в янтарной броне.
Чудеса богатырской природы
В богатырской советской стране!

ОЛЁКМИНСКАЯ ПРИСТАНЬ

Легки и серебристы
Над Леной облака.
Плывет в туман пушистый
Просторная река.
И вдруг гудок басистый
Запел издалика:
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань,
Встречай-ка земляка!

И вот летучий, быстрый,
Задорный ветерок
Прорвал туман пушистый
И вдоль и поперек...
С вершины гор лесистых
Спустился городок.
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань —
Заветный уголок!

Бегут, бегут навстречу
И люди и домá.
Всем сердцем им ответчу...
А где же ты сама?

И где твой шарф цветистый
В девической руке?
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань
На северной реке.

Подняв свою котомку,
По сходням прохожу,
Смотрю на незнакомку
И слов не нахожу.

Лишь взгляд родной, лучистый
Сказал, что это — ты. . .
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань,
Далекие мечты.

В тяжелые години
Мы закалялись, друг,
Блестят на нас седины. . .
Но солнечно вокруг.
Черемуха душиста.
Прошла тоска зимы.
Олёкминская пристань!
Олёкминская пристань,
Опять счастливы мы!

ПРОВОДЫ ДРУГА

Б. Долгих

По широкому Енисею
Ветер гонит туманный след.
Заполярному Одиссею
Улыбается рассвет.

Рыжеватое утро встало
На излучинах берегов
Чахлой ивой да черноталом
Лесотундровых островов.

Там, на Хатанге, ждут олени,
Тонкорогие вожаки.
От кочевий до поселений
Путь-дороженьки далеки.

С пароходным гудком разлуки
День тускнеет береговой,
И разорваны наши руки:
— До свиданья, товарищ мой!

Ты пройдешь знатоком пустыни
В неизведанные края,

Под тобою протают льдины,
Но не дрогнет душа твоя.

Твердоглазый и смугловатый,
Ты пойдешь за Полярный круг
Новым рейсом — в набег крылатый,
Победителем темных вьюг.

И когда тебя скроют ветры,
Ты почувствуешь, как близка
Через чащи и облака,
Через тысячи километров
Дружбы ласковая рука.

ОМУЛЕВЫЙ ЛОВ

Желтый полог небес,
Будто шелк на заре.
Дым туманный исчез,
И вода в серебре:
В серебре от зари.
От светлеющих гор...

На становье горит,
Затухает костер.
Мы идем налегке,
Лодки словно летят.
В сетевом поплавке
Брызги света блестят.
Брызги света кругом,
Весла режут хрусталь...

За песчаным бугром
Раскрывается даль.
Заскрипели рули —
Круговой поворот:
Это сеть повели
Из сверкающих вод.
Из сверкающих вод

Омулевый нагул, —
Рыбы вспугнутой ход
Бригадир повернул.

Поплавки на бортах.
Тяжелей бечева.
Первый омуль в руках,
Сеть не рвется едва.
Сеть добычей полна,
Рыбьи стаи густы. . .

Голубая волна
За кормой шелестит:
«Славься, мыс Онгурён,
Вы, круты берега!
Омуль ровный ядрен.
Чешуя — жемчугá,
Чешуя — жемчугá,
Омуль вешних путин.
Водяные луга,
Жатва синих глубин».

На восходе у скал
Якоря загремят:
«Славься, море Байкал,
Урожай твой богат!»

**ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ
В СЕРГЕЛЯХЕ**

Сыну моему Рюрику

Теплые ручьи на Сергеляхе,
Теплая веселая трава.
Небо в розовеющей папахе
В полночь затуманится едва.

Солнце не спускается за горы.
Березняк густеет с каждым днем.
Северные дальние просторы
Зеленеют бархатным руном.

И с утра до позднего заката
Радостно в Якутии везде.
Смуглые колхозные ребята
Плещутся в сиреневой воде.

Лагерь пионерский на пригорке,
Будто муравейник, хлопотлив.
И горнист трубит на каждой зорьке,
Жаворонка песню повторив.

В трусиках и в маечке с заплаткой,
Почернев на солнышке, как грач.

Перед штаб-квартирною палаткой
Бойко заливается трубач.

И, послушно детскому сигналу,
Лето продолжает свой поход:
Солнце, приготовившись к привалу,
Снова поднимается, идет.

В ливнях согревающего света
Длится благодатная пора.
Зорькой пионерскою согрета,
Наня подрастает детвора.

Перед штаб-квартирною палаткой
Будущность выходит на дозор:
В трусиках и в маечке с заплаткой,
Маленький трубач сигналил сбор.

ВЕСНА В БУРУЛЬЗАЕ

Белокрылой птицей над горами
Предвесенний радующий день...
Молодыми острыми рогами
Постучался в юрту мой олень.

Выхожу, а солнце мне навстречу
Протянуло теплые лучи.
— Здравствуй, друг мой! — солнцу
я отвечу...

И олень копытом застучит.

Положу седло по кумулану,
Кушаком заправлю голубым,
Перекину за плечи бердану
И поеду в гости на Витим...

Там живет хорошая, такая, —
Поневоле можно полюбить.
Соболиной бровью засверкает,
Как увидишь, — больше не забыть.

Вот приду и встану на пороге,
Расстелю цветистый кумулан.
Если ей со мною по дороге,
То с женой приеду на суглан.

Подарю ей шкуру горноста́я,
Коготь рыси, лебе́дя крыло,
Чтобы́ вместе, с песней́ выраста́я,
Наше счастье́ солнцем расцвело́.

ЗИМНЯЯ ПУТИНА

Зимний лов на Байкале хорош,
Хороша промысловая страсть!
После пышных декабрьских порош
Лучше дела себе не найдешь!
Знай почаще посматривай снасть.

Я люблю это время, мой друг!
Голубые дымят берега,
Облака, уплывая на юг,
Теплый пух осыпают вокруг.
Как невеста, нарядна тайга.

А в заливах, под скатертью льда,
Под холстинами гладких снегов,
В прорубях загустела вода,
Невидимки плывут — неводá,
Урожайный снимают улов.

Закруглились сиговьи хребты,
Омулевые жирны бока, —
Рыбьи стаи нагульны, густы. . .
Погляди да порадуйся ты
На удачливый труд рыбака.

Возле наших колхозных шатров
Малолюдно в такие деньки.
Поварихи ворчат у костров,
Что обед самолучший готов,
Да никак не идут едоки.

Разгулялась ловецкая страсть,
И ничем ты ее не уймешь. . .
Время солнышку в горы упасть.
Торопись, пошевеливай снасть.
Зимний лов на Байкале хорош!

НАБАЛУНЕ ЗИМОВКИ

Вечерних сосен разговор
В горах.
Закат раскинул свой ковер
На янтарях.

Оранжевый стекает свет
В тайгу.
Я отыскал прощальный след
На берегу.

Где разлучились мы с тобой
В тот год,
Оставил вымпел голубой
Пилот.

Флажок я поднял, стало вдруг
Теплей.
Я буду ждать, далекий друг,
Весны твоей,

И восемь месяцев зимы
Наедине
И сто ночей полярной тьмы
Не страшны мне.

ДЕПУТАТЫ ТУНДРЫ

ПОЭМА

1. ПЕСНЯ КИМОНОВСКИХ ПАСТУХОВ

Дети тундровых поселений,
Не жалеете ремней лосиных,
Выбирайте лучших оленей,
Тонкорогих, широкоспинных,
Самых сильных и быстроногих...
Пусть прославится наше стадо.
Для счастливой большой дороги
Самых лучших оленей надо.

Снег ложится на новоселья,
Все дороги для нас открыты!
Дети тундрового поселения,
Нарты праздничные берите,
Нарты писанные, резные,
Полоз с выгнутыми концами,
Нарты новые, разъездные,
Изукрашенные бубенцами.

Завтра утром поедет знатный
Гуртоправ наш — Калтан Бодоное,
Тундрой выдвинутый в депутаты,
От полярных оленегонов.

Он поедет подлеском частым
Прямо к Тясинской культбазе,
К избирательному участку. . .
Повезет он с собой в наказе
Волю сердца ненецкой тундры,
Радость жизни ненецкой новой
И мудрейшему из мудрых
Благодарности нашей слово. . .

Нарты праздничные украсим,
Самых лучших впряжем оленей
И костров своих не погасим
На окраинах поселений.

По дорогам большим и малым
Снег ложится пушистой пеной,
По дорогам большим и малым
Мы погоним своих оленей.
Завтра праздник советской тундры!
Завтра праздник колхозной тундры!
Завтра праздник весенней тундры!
Завтра праздник свободных ненцев!

**2. КАЛТАН БОДОНОВ — ОЛЕННЫЙ ПАСТУХ —
ЕДЕТ НА ВЫБОРЫ**

Пестрые ленты по ветру вьются,
Ветру навстречу нарты несутся.
Сытые олени друг за другом
Топают копытами по застругам. . .

Лог, перелог,
Бугор, низина,
Мерзлое озеро,

В снегу — трясина,
Кустарник,
Кочкарник,
Даль голубая.
Как широка ты,
Тундра родная!
Все здесь знакомо
Вдоль-поперек:
Каждое озеро,
Каждый лог. . .
Долгие годы неволи былой
В памяти встали метельной волной

Здесь кочевали
Отцы и деды,
Счастья не знали
Друзья-соседы.
Чумы дырявы,
Оленей мало,
Соболь повымер,
Песца не стало;
Местный купец
Да шаман-супец
Тундру родную
Зорили вконец.

Водкой купец торговал с прибытком.
Знахарь-шаман забирал пожитки.
— Пей, молись!
В три поклона гнись! . . —
Плакал бедняк
Не слезами — кровью,
Ехал бедняк

Горевать к зимовью,
Ехал бедняк
Бобылить, батрачить,
Чужие стада́
На приплод артачить.

Солон, жесток кулацкий хлеб.
Батрачил отец, пока не ослеп:
Съела трахома отцовы глаза,
Мертвой рососою стала слеза.
Так и пошли они, вьюги, невзгоды —
Темные зимы, мутные вóды.
Возле дверей у чужого жилища
Вырос Калтан, бесприютный и нищий.
Холодно спать у чужих очагов!
Голодно жить у кулацких шатров!

Горькую долю приняв по наследству,
Батрачить Калтан пошел с малолетства:
Только одна у него дорога —
Гарь моховая, пастушья берлога.
Только одна у него забота —
Чтобы олень не ушел с болота,
Чтоб хозяин не выгнал голым,
Чтоб не избил прутягом тяжелым.

А жизнь проходила,
Кострами дымила,
Хозяйским обедком
Калтана кормила,
Обноском хозяйским

Его одевала,
Плеткой хозяйской
Его подгоняла. . .

Годы летят, как нарты с горы.
Память костром придорожным горит.
Ярче костер пламенеет на старость:
В чумы приходит заветная радость.
Солнце блеснуло лучом Октября:
Шире и выше над тундрой заря,
Вихрем великим развеян туман.
Молодо голову держит Каалтан,
Ветер играет его сединою —
Семьдесят зим над его головою.

Был он безвестен,
 бездомен,
 забыт,

Нынче Бодоново имя гремит:
Лучший пастух у колхоза — Каалтан.
Гордо он едет на славный суглан¹,
Много еще в нем осталось задора,
Нет у него ни заботы, ни горя. . .

В лучшей упряжке,
На лучших оленях
Мчится он мимо ненецких селений.
Нарты обшиты багряным сукном,
Праздничный мех серебрится на нем,

¹ С у г л а н — собрание, съезд.

Шуба блестит голубыми песцами. . .
Дружно олени трясут бубенцами.
Мимо кустарников,
Вдоль перелога
Лентой широкой
Струится дорога.
Мимо ненецких свободных селений
К Тясинской базе несутся олени. . .

3. ТЯСИНСКАЯ КУЛЬТБАЗА — ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК НЕНЕЦКОЙ ТУНДРЫ

На перекрестке кочевых дорог,
Где зверолов встречал оленевода,
Валунный камень мамонтом залег
На месте встреч ненецкого народа.

Отсюда шли аргишить через горы,
Ловить песцов брели на океан;
Здесь родовые распри и раздоры
Судил сутяга, бешеный шаман.

Но глубоко кочевий тропы взрыли
Нагую грудь болотистой земли,
И сколько «инородцев» ни крестили,
Их приучить к покорству не могли.

Народ ненецкий клял царя и бога,
Свою вражду и ненависть таил
И песни пел в кочующих дорогах,
У родовых стоянок и могил.

.

Встречает зверолов оленевода
На перекрестке кочевых дорог, —
На месте встреч свободного народа
Валунный камень мамонтом залег.

На месте встреч построена культбаза:
Широкие и светлые дома,
В которых отражается стоглазо
Сиянием полярная зима.

Здесь интернаты,
школы,
магазины, —

В просторе тундры новый городок, —
В глухом краю промерзнувшей низины
Певучей жизни светится поток.

Здесь сталинская теплая забота,
Желанных дней родные берега;
Здесь учат жить,

бороться
и работать
И Родину свою оберегать. . .

Сегодня за культбазой, в луговине,
Ветвистый лес качается живой,
Олени бродят темною лавиной,
Взрывая жирный выпас моховой.

Горят костры у камня и за камнем,
Рядами нарты узкие встают;
И старики, толкуя о недавнем,
Хвалу и славу Родине поют.

Цветут плакаты полымем восходов,
Ненецким словом внятно говорят:
— Сегодня волеи северных народов
Калтан Бодонов будет депутат.

1. ТАМГА

Соболь чует свою тропу,
Охотник читает следы,
Пастух никогда не забудет путь
К заливам Большой Воды.

Лайки помнят знакомый чум,
Семга знает рску,
И весенний глухарь-ворчун
Каждый год на одном току.

Эту память знакомых мест,
Эту память родных примет, —
Затаенного смысла весть, —
Хранит тундра
На сотни лет. . .

И у ненцев в каждой семье
Есть родной условный знак;
В каждом чуме, в каждом жилье
Хорошо его знает всяк.

Это подпись, печать семьи,
Называется он — тамга.
Этим знаком родные, свои,
Отличают друзей от врага.

Зверобой на деревьях тайги
Оставляет товарищу весть;
Рыболов по рисунку тамги
Узнает, кто на ловле здесь.

Пастухи ягельных болот
Режут мстку в оленьих ушах.
И фактория счет ведет
По тамгам на песцовых мехах.

Житель тундры, юн или сед,
Путь-дорогу найдет в пургу,
Знает грамоту или нет,
Но всегда прочтет тамгу.

.
В магазине культбазы с рассвета
Покупателей шумный ряд;
Покупают книги, портреты,
Буквари берут нарасхват.

Покупают внуки и деды,
Звероловы и пастухи.
Молодые друзья-соседы
Ищут пушкинские стихи.

Заявил продавцу Бодонов,
Что хотя и малограмотен он.
Книгу жизни правдивых законов
Покупает сегодня Бедон.

И еще попросил Бодонов
Дать портрет ему, лучший, тот,
Где великий Отец Народов
Взором дружбы к себе зовет.

К избирательному бюллетеню
Был приложен простой портрет
Славы нашего поколенья,
Вдохновителя всех побед.

5. ВЕТЕР ЗАПОЛЯРЬЯ

В бескрайных просторах кочуют стада,
Коматы топчут мхи;
Весною, едва задымится вода,
Пришод перечтут пастухи.

На синих отрогах блистающих гор
Дороги кочевий слились.
Богатая тундра, широкий простор:
Работай, живи, веселись.

Мышкует песец, куропатка летит,
Нерестится рыба озер...
Поселки колхозов на дальнем пути
Приветливо радуют взор.

Хозяина тундры — ненецкий народ, —
Весенняя песня, прославь!
Сегодняшний день заполярных широт —
Мечта, обращенная в явь.

Лихие столетья, ярмо кабалы —
Вчерашний несолнечный сон.
Сердца, пробужденные светом, теплы
В заре величавых времен.

Жизнь — праздник труда,
и борьбы,
и побед. . .

Мечты и надежды сбылись.
Оставь на земле свой отмеченный след:
Работай, люби, веселись!

Проталины ширятся в снежных полях,
Могуче гудит ледоход.
Встречает весну молодая земля
И добрый хозяин — народ.

1946

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДЫ ПОЛЯРНОГО КРУГА

Семен Дежнев	5
Памятник Шелехову в Иркутске	8
Чкалов в «зоне недоступности»	11
Лагерь на Вершине Мира	13
Русские флаги в Антарктике	15

НАШ КРАЙНИЙ СЕВЕР

Открытие полярной дороги	21
Строитель дорог	23
Исследователям Бырранга	25
Радиопост	28
Газетная почта в Заполярье	30
Охотские жители	32
Бывалый полярник	34
Осень зверобоя	36
Песня лесорубов	38
Календарь оленевода	40
Красный чум в Эвенкии	46
Ульян-белковщик	49
Тракторные перевозки Золототранса	51
Ангарский лучкист	54
Сплав леса	56
Искатели металлов	58
На трассе новой пятилетки	61

ФЛАГИ НАД МОРЯМИ

Навигация в Арктике	65
Арктический порт	67
Восточно-Сибирское море	69
По следам Беринга	71
Подъем морского флага	73
Бухта Амбарчик	75
Белая ночь на Чукотке	77
Ледовой наблюдатель	79
Большой Диомид	81
Командир ледокола	83
Сквозной рейс	85
Над Курильской грядой	87

ВЕСНА ОКРАИН

Призыв к трем стихиям	91
Полярный зов	92
Ленские скалы	94
Олёкминская пристань	96
Проводы друга	98
Омулевый лов	100
Пионерский лагерь в Сергеляхе	102
Весна в Бурульзае	104
Зимняя путина	106
Накануне зимовки	108
ДЕПУТАТЫ ТУНДРЫ, поэма	109

Редактор А. Жаров

*Художник С. Нодельман
Техн. редактор Р. Сквирская
Корректор Л. Лапирова-Скобло*

*Подписано к печати 11/IV 1950 г.
А 03405. Бумага 70×108_{3/32}=1,94 бум.
листа—5,31 печ. л. Авт. л. 2,94.
Уч.-изд. л. 3,05. Заказ № 120. Тираж
5000 экз. Цена 3 р.*

*Типография № 3 Управления изда-
тельств и полиграфии Исполкома
Ленгорсовета*